

Фрейд Зигмунд Неизбежна ли война filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Зигмунд Фрейд Неизбежна ли война?

Вена, сентябрь 1932

Дорогой господин Эйнштейн!

Узнав, что вы намереваетесь предложить мне участвовать в обсуждении темы, интересующей вас и, по вашему мнению, заслуживающей внимания других людей, я сразу же согласился. Я предполагал, что избранная вами тема будет обсуждаться на уровне возможных сегодня знаний, и каждый из нас, физик или психолог, сможет найти свой особый подход к ней, и, таким образом, все мы, отправившись в путь с разных сторон, смогли бы встретиться в одном и том же пункте. Но затем меня привела в большое изумление постановка вопроса: что можно сделать, чтобы отвести от человечества зловещую опасность войны. В первый момент я буквально испугался при ощущении своей (я едва не сказал – нашей) некомпетентности, поскольку вопрос о войне казался мне практической задачей, разрешаемой государственными деятелями. Но затем я понял, что вы поставили вопрос не как естествоиспытатель и физик, но как гуманно настроенный человек, действующий в рамках призывов Лиги Наций, подобно тому как исследователь Севера Фритьоф Нансен взял на себя миссию помочь голодающим и оставшимся без родины жертвам мировой войны. Я подумал также и о том, что от меня не ждут практических предложений, я должен всего лишь рассказать, как выглядит проблема предотвращения войны с точки зрения психолога.

Но и об этом вы уже сказали в своем письме самое главное. Тем самым вы ослабили ветер в моих парусах, и я охотно поплыну в вашем кильватере, довольствуясь подтверждением всего, что вы пишете, но разверну ваши тезисы более пространно на основании моих знаний или предположений.

Вы начинаете с отношения права и власти. Наверняка это верный исходный пункт для нашего исследования. Но нельзя ли мне заменить слово « власть » более резким и жестким словом « сила »? Право и сила являются сегодня противоположностями. Легко показать, что право возникло из силы, и, если мы отойдем к истокам и посмотрим, как это произошло в самом начале, мы без усилий увидим суть проблемы. Но извините меня, что я сейчас изложу всем известное и общепризнанное так, словно бы я рассказывал нечто новое, наша тема заставляет меня сделать это.

Принципиальным является то, что конфликты интересов разрешаются среди людей с помощью силы. Так обстоит дело во всем животном мире, из которого человек не должен себя исключать; у людей добавляются лишь конфликты мнений, простирающиеся до высочайших вершин абстракции и требующие, по всей видимости, других способов своего разрешения. Но это более позднее осложнение. Вначале в небольшой человеческой орде лишь сила мышц решала, кому что должно принадлежать и чья воля должна возобладать. Но очень скоро сила мышц дополняется и заменяется использованием предметов для защиты и нападения; побеждает тот, у кого есть лучшее оружие и кто более ловко умеет им пользоваться. Уже с появлением оружия духовное превосходство начинает занимать место голой мускульной силы; конечная же цель схватки остается неизменной – один из противников посредством наносимых ему повреждений и ослабления его сил должен отказаться от своих притязаний и противоборства. Наиболее основательно эта цель достигается в том случае, если сила устраниет противника, то есть убивает его. Преимущества здесь в том, что противник уже никогда больше не поднимется для нового сопротивления и его судьба будет устрашать всех, желающих последовать его примеру. Кроме того, убийство врага удовлетворяет инстинктивную склонность, о которой мы поговорим позднее. Но намерению убить противостоит соображение, что врага можно использовать для полезных работ, если, победив и укротив его, сохранить ему жизнь. В таком случае сила удовлетворяется порабощением врага, но победитель теперь должен считаться с жаждой мести побежденного, и тем самым он ослабляет свою собственную безопасность.

Таким представляется первоначальное состояние, господство большей власти, голой или опирающейся на интеллект силы. Мы знаем, что этот режим в ходе

фрейд Зигмунд Неизбежна ли война filosoff.org

развития изменился, дорога вела от силы к праву, но какова эта дорога? По-моему, возможен был лишь один путь. Суть его в том, что большая сила одного могла быть ослаблена благодаря объединению нескольких слабых. L'union fait la force[1 - Сила – в единстве (франц.).]. Сила сламывается единством, власть этих объединившихся представляет собой право в противоположность силе отдельного человека. Мы видим, что право – это власть группы, сообщества. Право и в данном случае все еще сила, направленная против каждого отдельного человека, сопротивляющегося этой группе, оно работает силовыми средствами и преследует те же цели. Действительное различие заключается лишь в том, что решает уже не сила каждого отдельного человека, но сила сообщества. Но чтобы осуществился поворот от силы к новому праву, должно быть выполнено одно психологическое условие. Объединение многих должно быть постоянным, длительным. Если же оно устанавливается лишь для победы над кем-то одним, сверхсильным, и распадается по достижении цели, то этим еще ничего не достигается. Кто-то другой, считающий себя сильнее, снова будет стремиться к господству, и эта игра будет продолжаться до бесконечности. Сообщество должно сохраняться, организовываться, создавать предписания, предупреждающие опасные мятежи, определять органы, наблюдающие за выполнением предписаний или законов, и обеспечивать регулярные и своевременные силовые акции. На основе признания подобного единства интересов среди членов подобным образом объединившейся группы людей формируется общность чувств и чувство общности, что и составляет их реальную крепость.

Тем самым, на мой взгляд, налицо уже все существенное – преодоление силы посредством перенесения власти на более крупное единство, поддерживаемое общностью чувств своих членов. Все дальнейшее есть лишь детализация и повторение. Отношения будут простыми до тех пор, пока сообщество будет представлено некоторым числом одинаково сильных индивидуумов. В подобном случае законы этого объединения диктуются тем, в какой мере каждый отдельный человек должен отказаться от личной свободы в использовании своей силы как власти, чтобы сделать возможной совместную жизнь членов сообщества. Но подобное состояние покоя можно помыслить лишь теоретически, в действительности же положение дел осложняется тем, что сообщество с самого начала охватывает неравные с точки зрения силы компоненты: мужчин и женщин, родителей и детей, а после войны и порабощения еще и победителей и побежденных, которые по отношению друг к другу выступают как хозяева и рабы. Право сообщества в таком случае становится выражением неравного соотношения сил в его среде, законы издаются теми, кому принадлежит власть, охраняют их интересы и предоставляют мало прав побежденным. С этого момента в сообществе наличествуют два источника правовых волнений и правовых усовершенствований. Во-первых, это попытки отдельных из власти имущих возвыситься над общепринятыми ограничениями и вернуться от господства права к господству силы, во-вторых, постоянные попытки угнетенных добиться большей власти и подтверждения этого законом, что означало бы продвижение вперед от неравного права к равному праву для всех. Это последнее устремление становится особенно значительным, когда внутри общественного организма происходят действительные смещения в соотношении сил, как это и случается под воздействием многочисленных исторических факторов. Право может в таком случае постепенно приспосабливаться к новому соотношению сил, или – что случается чаще – господствующий класс оказывается неготовым к тому, чтобы признать правомерность подобных изменений, – так начинаются восстания, гражданские войны, то есть происходит временное упразднение права, и снова начинается проба сил, в результате которой устанавливается новый правопорядок. Но есть и еще один источник изменения права, обнаруживающий себя исключительно мирным способом, – это культурное развитие членов человеческого сообщества, что, впрочем, относится уже к такому контексту, который может быть принят во внимание лишь позднее.

Таким образом, мы видим, что и в рамках одного сообщества не удается избежать силового разрешения вступающих в конфликт интересов. Но воздействие объединяющих моментов, обусловленных совместной жизнью на одной и той же территории, благоприятствует быстрому окончанию подобных схваток, так что постоянно возрастает вероятность мирных исходов. И все же взгляд на историю человечества открывает нашим глазам беспрерывную цепь конфликтов между одним сообществом и другим или даже несколькими, между большими и меньшими группами, областями, местностями, племенами, народами, империями, которые почти всегда разрешаются при помощи силы и посредством войны. Подобные войны заканчиваются ограблением или полным порабощением, завоеванием одной из воюющих сторон. О захватнических войнах нельзя судить одинаково. Одни из них, исходившие, к примеру, от монголов или турок,

фрейд Зигмунд Неизбежна ли война filosoff.org

приносили сплошные беды, другие же, напротив, способствовали преображению силы в право, ибо в результате их образовывались более крупные сообщества, внутри которых запрещалось применение силы и конфликты разрешались на базе нового правопорядка. Так, завоевание римлянами стран Средиземного моря привело к бесценному Pax Romana. Страсть французских королей к приросту территории привела к созданию мирной, объединенной и цветущей Франции. Как ни парадоксально это звучит, но нельзя отрицать, что война могла бы стать средством к достижению желанного «вечного» мира, ибо именно благодаря ей создавались те большие сообщества, внутри которых сильная центральная власть устранила дальнейшие войны. Но все же война не стала этим средством, поскольку успехи завоеваний, как правило, недолговременны; вновь созданные единства и сообщества опять распадаются, по большей части из-за недостаточного притяжения отдельных частей, объединенных насилием. И кроме того, завоевания до сих пор способствовали лишь частичным объединениям, хотя бы и на больших пространствах, конфликты же между ними становились затем еще более неизбежными. В результате всех этих воинских усилий человечество заменило многочисленные, практически непрерывные локальные войны редкими, но тем более опустошительными тотальными войнами.

Обращаясь к нашей современности, мы получим тот же результат, который уже вытекает из этого краткого обзора. Надежное предотвращение войн возможно лишь в том случае, если люди объединятся для введения центральной власти, которой передадут право окончательного решения во всех конфликтах, вытекающих из различия интересов. Для этого должны быть непременно выполнены два условия: то, что такая верховная инстанция будет создана, и то, что ей будет предоставлена необходимая власть. При отсутствии одного из этих условий ничего не получится. Лига Наций задумывалась в качестве подобной инстанции, но второе условие оказалось невыполненным; Лига Наций не имеет собственной власти и может получить ее лишь в том случае, если члены нового объединения, отдельные государства, передадут ей свою власть. Но в настоящее время на это слишком мало надежды.

Институт Лиги Наций совершенно невозможно понять, если не знать, что она представляет собой попытку, на которую история человечества отваживалась нечасто, а возможно, еще и ни разу в подобном масштабе. Это попытка обосновать авторитет, то есть принуждающее к подчинению влияние, обычно основанное на власти, на апелляции к некоторым идеальным предпосылкам. Мы уже слышали, что две вещи удерживают сообщество вместе: давление силы и общность чувствований составляющих его людей, что иначе можно еще назвать идентификацией. Если один из этих моментов вдруг теряет силу, то сообщество еще может сохраниться. Общность чувств или объединяющие идеи, естественно, могут иметь значение лишь тогда, когда в них находят свое выражение весьма важные общие черты членов сообщества. Речь идет лишь о том, насколько они сильны. История учит, что они и в действительности имели порой довольно большое влияние. Панэллинистическая идея, к примеру, то есть сознание того, что быть членом определенного социума есть нечто лучшее, чем находиться за его пределами в качестве варваров, идея, получившая столь яркое выражение в амфикиониях, оракулах и празднествах, была достаточно сильной, чтобы смягчить и способы ведения войны среди самих греков, но все же не могла предотвратить того, чтобы между отдельными частями греческого народа прекратились военные столкновения, и даже того, чтобы какой-то город или союз городов удержать от союза с персами, если требовалось наказать кого-то непокорного. В эпоху Ренессанса христианское чувство общности, силу которого нельзя приуменьшать, оказалось не в состоянии удержать малые и большие христианские города от того, чтобы во время их войн друг с другом не обращаться за помощью к турецкому султану. Также и в наше время нет такой идеи, которая заключала бы в себе подобный объединяющий авторитет. Слишком очевидно, однако, что властившие сейчас над народами национальные идеалы работают на разъединение и на войну. Есть люди, которые предсказывают, что лишь повсеместное распространение большевистского образа мыслей может покончить с войнами, но в любом случае мы сегодня еще слишком удалены от подобной цели, и, по всей видимости, это стало бы достижимым после ужасающих гражданских войн. Таким образом, попытка заменить реальную власть властью идей сегодня еще обречена на неудачи. Ошибка в расчете начинается там, где забывают, что право у истоков своих было голой силой и что еще и сегодня оно не может обойтись без поддержки силы.

Теперь я могу прокомментировать еще одно из ваших положений. Вы удивляетесь тому, насколько легко людей охватывает военная истерия, и предполагаете, что в людях есть некий инстинкт ненависти и уничтожения, который подталкивает их к войне. И опять я должен полностью согласиться с вами. Мы

фрейд Зигмунд Неизбежна ли война filosoff.org

верим в существование подобного влечения и как раз в последние годы стремились изучить его внешние проявления. Разрешите мне в этой связи изложить вам хотя бы часть теории влечений, к которой психоанализ пришел в результате многих проб и сомнений. Мы предполагаем, что влечения человека бывают лишь двоякого рода: либо такие, которые стремятся сохранить и объединить – мы называем их эротическими, совершенно в смысле Эроса в «Пире» Платона, или сексуальными с сознательным расширением популярного представления о сексуальности, – либо другие, стремящиеся разрушать и убивать, – мы называем их обобщенно агрессивным или деструктивным влечением. Вы видите, что речь, собственно говоря, идет лишь о теоретическом прояснении общеизвестного противопоставления любви и ненависти – противоположность, восходящая, вероятно, к более древней полярности притяжения и отталкивания, с которой вы сталкиваетесь в вашей области. Только давайте не будем торопиться слишком быстро трансформировать эти понятия в добро и зло. Оба эти влечения в равной мере необходимы, их взаимодействие и противодействие порождает явления жизни. И дело обстоит таким образом, что едва ли когда-нибудь одно из этих влечений может проявить себя изолированно, оно всегда связано с некоторой примесью с другой стороны или, иначе говоря, сплавлено так, что цель каждого из них модифицируется и становится достижимой лишь с помощью названного сплава. Так, например, инстинкт самосохранения является, без сомнения, эротическим по своей природе, но именно он нуждается в агрессивности, чтобы претвориться в жизни. Таким же образом любовное влечение, направленное на внешние объекты, нуждается в сплаве с влечением к овладению – лишь при этом условии оно вообще будет в состоянии овладеть своим объектом. Трудности, возникающие при попытках изоляции обоих видов влечений в их внешних проявлениях, очень долго препятствовали их опознанию.

Если вы захотите последовать за мной еще дальше, то придется обратить внимание на то, что в поступках людей заметно еще одно осложнение, но уже несколько иного свойства. Крайне редко поступок является результатом одного-единственного позыва влечения – пусть уже и представляющего собой сплав Эроса и разрушения. Как правило, в одном действии соединяются многие мотивы, сплавленные подобным образом. Один из ваших коллег уже знал об этом, я имею в виду профессора Т. Хр. Лихтенберга, преподававшего во времена наших классиков физику в Гётtingене; но, возможно, он был более крупным психологом, чем физиком. Он изобрел розу мотивов, когда сказал: «Побудительные мотивы, по которым человек что-то делает, могут быть систематизированы так же, как 32 ветра, и названия их располагаются подобным же образом, например: хлеб – хлеб – слава или слава – слава – хлеб». Таким образом, когда людей призывают к войне, то многие позывы их души отвечают на этот призыв утвердительно, позывы благородные и подлые, такие, о которых говорят вслух, и другие, о которых молчат. В данном случае у нас нет повода говорить обо всех. Но среди них, безусловно, присутствует влечение к агрессии и разрушению; неисчислимые жестокости истории и текущих дней поддерживают существование этого влечения и его силу. Переплетение деструктивных влечений с другими, эротическими и идеальными, конечно, облегчает их удовлетворение. Порой, когда мы слышим о чудовищных событиях в истории, возникает впечатление, что идеальные мотивы были лишь поводом для разгула деструктивных страсти, в иных же случаях, как, например, в жестокостях святой инквизиции, нам представляется, что идеальные мотивы превалировали в сознании, деструктивные же давали им бессознательное подкрепление. И то и другое вполне возможно.

Мне кажется, что я уже злоупотребил вашим интересом к теме, направленным на предотвращение войны, а не на наши теории. И все же мне хотелось еще на мгновение задержаться на влечении к разрушению, внимание к которому все еще не соответствует его значению. На основании некоторых умозаключений мы пришли к выводу, что это влечение заключено внутри каждого живого существа и направлено на то, чтобы разрушить его, снова свести жизнь к состоянию неживой материи. Это влечение с полной серьезностью заслуживает названия влечения к смерти, тогда как эротические влечения представляют собой стремление к жизни. Влечение к смерти становится разрушительным влечением, когда оно с помощью особых органов обращается наружу, против объектов. Живое существо, если можно так выразиться, сохраняет свою жизнь тем, что разрушает чужую. Но все же определенная доля влечения к смерти остается действовать и внутри живого существа, и мы в своей практике пытались вылечить наших пациентов, у которых деструктивное влечение было загнано вовнутрь. Мы даже пришли к крамольной мысли о том, что возникновение нашей совести объясняется именно этим поворотом агрессии вовнутрь. Нетрудно заметить, что в случае слишком большой активизации этого процесса можно

ожидать ухудшения здоровья, в то время как поворот этих деструктивных влечений во внешний мир облегчает живые существа и действует на них благоприятно. Это своего рода биологическое извинение всех ужасных и опасных устремлений, которые мы пытаемся преодолеть. При этом нужно признать, что они ближе к природе, чем наше восстание против них, для которого мы также еще должны найти объяснение. Возможно, у вас возникает впечатление, что наши теории являются своего рода мифологией, в таком случае эта мифология не из самых обнадеживающих. Но разве любая естественная наука не сталкивается в конце концов с подобного рода мифологией? Разве у вас в физике сегодня дела обстоят иначе?

Из всего сказанного мы можем сделать по крайней мере вывод, что желание лишить человека его агрессивных наклонностей практически неосуществимо. Говорят, что есть счастливые уголки земли, где природа с избытком предоставляет человеку все необходимое, и там есть племена, живущие в блаженной кротости, незнакомые с насилием и агрессией. Я с трудом могу в это поверить и охотно бы узнал побольше об этих счастливцах. Так же и большевики надеются, что они смогут совершенно избавиться от человеческой агрессивности, обеспечив удовлетворение материальных потребностей и установив равенство среди членов общества. Я считаю это иллюзией. В настоящее время они усиленно вооружаются и удерживают своих сторонников не в последнюю очередь благодаря разжиганию ненависти против всех, кто не с ними.

Впрочем, как вы сами заметили, речь идет не о том, чтобы полностью устраниТЬ человеческое влечение к агрессии; можно попытаться отвлечь его так далеко в сторону, что оно неизбежно должно будет находить свое выражение в войне.

Наше мифологическое учение о влечениях легко подсказывает формулу опосредованного пути борьбы с войнами. Если готовность к войне возникает под воздействием влечения к разрушению, то проще всего было бы направить против него противника этого влечения, то есть эрос. Войне должно противоборствовать все, что объединяет чувства людей. Эти связи могут быть двоякого рода. Во-первых, связи, напоминающие отношения к объекту любви, но лишенные сексуальной цели. Психоаналитик не должен смущаться, если он в подобном случае говорит о любви, ведь и религия утверждает то же самое: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»[2 - Евангелие от Марка: 12, 31.]. Подобное требование легко выдвигнуть, но трудно исполнить. Другой род связей, основанных на чувствах, возникает с помощью идентификации. Все, что объединяет людей в существенных вещах, вызывает у них общность чувств, идентификации. На них во многом основывается строительство человеческого общества.

Из вашей жалобы на злоупотребление авторитетом я вывожу вторую возможность опосредованной борьбы с наклонностью к войнам. То, что люди распадаются на вождей и подчиненных, является врожденным и неустранимым неравенством людей. Подчиненные и зависимые составляют огромное большинство, они нуждаются в авторитете, который вместо них берет на себя принятие решений, которым они подчиняются по большей части добровольно и безусловно. И здесь можно порассуждать о том, насколько важно было бы воспитать прослойку самостоятельно думающих, бесстрашных, стремящихся к истине людей, которые могли бы управлять несамостоятельными массами. Вряд ли стоит доказывать, что злоупотребления государственной власти и запрет на мышление со стороны церкви мало благоприятствуют подобному воспитанию. Идеальное состояние, конечно, возможно в сообществе людей, которые подчинили бы жизнь своих влечений диктатуре разума. Ничто другое неспособно вызвать столь совершенного и прочного объединения людей – даже при условии отказа от основанных на чувствах связях между ними. Но в высшей степени вероятно, что и это всего лишь утопическая надежда. Другие пути опосредованного предотвращения войны являются наверняка более доступными, но они не обещают быстрого успеха. Не хочется думать о мельницах, которые мелют так медленно, что скорее можно умереть от голода, чем дождаться муки.

Вы видите, как мало можно извлечь пользы, советуясь с далеким от текущих дел теоретиком, когда требуется решение настоящих практических задач. Пожалуй, лучше в каждом конкретном случае пытаться предотвратить опасность теми средствами, которые в данный момент находятся под рукой. Но мне хотелось бы обсудить еще один вопрос, который вы не поднимаете в вашем письме, но который меня особенно интересует. Почему мы так ненавидим войну, вы и я и многие другие, почему мы не воспринимаем ее столь же естественно,

фрейд Зигмунд Неизбежна ли война filosoff.org как мы воспринимаем всякие иные досадные горести жизни? Ведь война как будто вытекает из самой природы вещей, имеет под собой твердую биологическую основу, и на практике ее едва ли можно избежать. Не ужасайтесь моей постановке вопроса. Для исследовательских целей, по-видимому, возможно натянуть на себя маску превосходства, которой мы не обладаем перед лицом действительности. Ответ же будет следующим: потому, что каждый человек имеет право на свою собственную жизнь, потому, что война уничтожает исполненные надежд человеческие жизни, ставит отдельного человека в самое унизительное положение, вынуждает его убивать других людей, чего он не хочет делать, война уничтожает огромные материальные ценности, результаты человеческого труда, да и многое другое. Равно как и то, что война в ее сегодняшнем виде не предоставляет больше возможности осуществить старые героические идеалы, а будущая война вследствие усовершенствования средств разрушения будет означать уничтожение одного или даже обоих противников. Все это правда, и выглядит она столь убедительно, что остается только удивляться, почему военные действия все еще не отброшены с помощью всеобщей человеческой договоренности. Хотя о некоторых из приведенных выше тезисов можно было бы и спорить. Например, о том, должно или не должно сообщество иметь право на жизнь отдельного человека; о том, что нельзя в одинаковой степени проклинать все виды войн; до тех пор пока на свете есть богачи и отдельные нации, готовые к безоглядному уничтожению других наций, эти другие нации должны быть готовы к вооруженной борьбе. Но мы не хотим останавливаться на этом, поскольку это не относится к дискуссии, в которой вы пригласили меня участвовать. Моя же мысль нацелена на другое: я думаю, мы ненавидим войну потому, что иначе не можем. Мы – пацифисты, мы должны быть ими в силу нашей натуры. И потому нам должно быть легко найти аргументы для оправдания нашей позиции.

Мое утверждение, видимо, требует некоторых объяснений. Я имею в виду следующее: с незапамятных времен человечество включилось в процесс культурного развития. (Я знаю, что многие предпочитают слово «цивилизация».) Этому процессу мы обязаны всем лучшим, что мы создали, равно как и заметной частью того, от чего мы страдаем. Поводы и источники этого процесса скрыты в темноте, его исход неизвестен, отдельные его черты легко опознаемы. Возможно, он приведет к угасанию человеческого рода, поскольку он самыми разнообразными способами воздействует на сексуальную функцию и уже сегодня нецивилизованные расы и отсталые слои населения размножаются интенсивнее, чем высокоцивилизованные. Видимо, этот процесс можно сравнивать с процессом приручения некоторых видов животных; вне всякого сомнения, он влечет за собой изменения в конституции тела; мы все еще не свыклись с мыслью о том, что культурное развитие представляет собой особый органический процесс. Сопутствующие этому культурному процессу изменения психики очевидны и недвусмысленны. Они состоят в прогрессирующем смещении целей влечений и ограничении инстинктивных позывов. Сенсационные наслаждения, доставлявшие радость нашим предкам, стали нам безразличны или даже отвратительны; и если наши этические и эстетические требования к идеалу изменились, то это имеет под собой органические обоснования. Из психологических характерных черт культуры две представляются мне наиважнейшими: усиление интеллекта, который начинает подчинять себе жизнь влечений, и перемещение склонности к агрессии вовнутрь осознающей себя личности со всеми вытекающими отсюда преимуществами и опасностями. Психические установки, на которые настраивает нас культурно-исторический процесс, вступают в самое кричащее противоречие с войной, и уже поэтому мы должны ненавидеть войну, мы просто не можем ее больше выносить, и в данном случае это уже не только интеллектуальное или эмоциональное отталкивание, у нас, пацифистов, война вызывает физическое отвращение, своего рода идиосинкразию в самой крайней форме. И в то же время кажется, что эстетическое безобразие войны подталкивает нас к ненависти почти в такой же степени, как и ее ужасы.

Как долго еще придется нам ждать, пока и другие также станут пацифистами? Этого нельзя предсказать, но, возможно, это не такая уж утопическая надежда, и под воздействием обоих факторов, влияния культуры и оправданного страха перед последствиями будущей войны, еще в обозримое время будет положен конец войнам. На каких путях или окольных дорогах это произойдет, мы не можем пока предвидеть. И все же мы осмеливаемся утверждать: все, что способствует культурному развитию, работает также и против войны.

Я сердечно приветствую вас и прошу прощения, если мои соображения разочаровали вас.

фрейд Зигмунд Неизбежна ли война filosoff.org

Ваш Зигмунд Фрейд.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!